

Турандот без возраста

К юбилею Юлии Борисовой

Григорий Заславский

Для какого-нибудь телевизионного фильма или популярной книжки Юлия Константиновна Борисова – совершенно негодный персонаж: в ее жизни нет ничего «такого», за что можно было бы зацепиться. Ни трудной судьбы, в которой бы каждый шаг давался с невероятным усилием, что-нибудь вроде рождения на далекой сибирской станции, где не останавливаются поезда, многократных попыток поступить во все театральные училища Москвы и Ленинграда, наконец – встреча со своим режиссером, а потом – годы молчания и – новый взлет.

У Борисовой все было «проще». И в личной жизни – никаких «таких» сюжетов.

Она – народная артистка СССР, выдающаяся актриса, настоящая, можно даже сказать эталонная – для Вахтанговской сцены, – по характеру своему, по складу натуры и, если угодно, по линии жизни – вообще на актрису не похожа. Навероятно закрытая, не допускающая в свой мир никого, одно слово – монашенка. И – безгранично свободная на сцене, готовая к каким угодно кульбитам и кувыркам, озорству и даже откровенному хулиганству (правда, в строгом соответствии с режиссерским замыслом). Кувырок через голову – ее коронный номер, который она «работает» (воспользуемся словом из набора цирковых) в «Без вины виноватых», балуя им своих верных поклонников и новоприобретенных, когда приходится выходить на ту или иную сцену за очередной порцией восторгов и наград.

«За верное служение...», «За честь и достоинство», «За преданность сцене», – всё про нее, про ее жизнь в Театре имени Вахтангова, символом которого всегда была Турандот, которую несколько десятилетий играла Юлия Борисова. Может быть, Мансурова играла лучше, наверняка иначе, но нет сомнений в том, что Вахтангов бы похвалил и принял ее исполнение. В Борисовой – то самое, легендарное, почти неощутимое вахтанговское начало, праздничность, романтизм, когда каждое слово – чуть-чуть приподнято, идет на взлет.

Борисова – актриса особой манеры, узнаваемая с первой же минуты

«Мне 38 лет и никогда не будет ни годом больше», – говорит Юлия Борисова в спектакле «Милый лжец», говорит, конечно, не она, а другая актриса, Патрик Кемпбелл, но в общем примерно то же самое могла бы сказать и сама Юлия Константиновна. Во всяком случае сама она руководствуется именно этим «правилом». И нет смысла что-то там высчитывать и опровергать.

Борисова – актриса особой манеры, то есть узнаваемая с первой минуты, что кого-то влюбляет в нее с этой первой минуты, а у кого-то, наверное, может вызвать даже раздраже-

ние. Особый голос – как будто чуть припевающий, особая манера говорить – как будто бы начинала она ролями из репертуара трагедии и играла бойких мальчишек. В этом смысле Борисова, конечно, тоже уникальна: она настояла на своем праве быть героиней. В «Иркутской истории», в «Варшавской мелодии», в «Идиоте»... А потом – безо всякого усилия и драмы – перешла на новые, возрастные роли. Впрочем, и возрастные ее роли – это не старушечки, дышащие на ладан, а снова и снова – аристократки, которым не положена некрасивая старость.

Они – величественны и неприступны (и не имеют возраста!), как сама актриса.

Надо, наверное, сказать еще об одном то ли умении, то ли качестве вахтанговских героинь и Юлии Борисовой, быть может, в первую очередь: возможно, больше и чаще, чем где-либо еще, на вахтанговскую сцену выходили женщины своевольные и независимые, они делали, что хотели, не подчиняясь никому и ничему, поступали, как бог на душу положит. Даже когда они не добивались счастья, они оставались свободными и тем самым опровергали советские представления о свободе

как о какой-то там со всех сторон ограниченной необходимости. Свобода была не все, она была внутри них. И все драмы, все трагедии – не в заламывании рук, а в том страдании, которое вычитываешь, глядя в глаза. Так принц Калаф из «Принцессы Турандот» искал ответы на ее загадки, всматриваясь в глаза Турандот-Борисовой.

Из жизни этого дуэта – Борисовой и Василия Ланового – можно вспомнить один драматический эпизод. Это случилось на одном из представлений «Милого лжеца» и скоро распространилось как театральная легенда. Лановому вдруг стало плохо, и он, неожиданно для Борисовой, ушел со сцены. Ничего не подозревавшая публика ждала продолжения захватывающего романа в письмах, а Борисова, не выдав себя ни единым движением, ни даже взглядом, около десяти минут ходила из одного угла сцены в другой. И публика, не отрываясь, следила за ее мерными шагами. Затем вышел кто-то из администрации, сказал, что актеру вызвали «скорую», спектакль прервали, и только тогда Борисова ушла за кулисы. Вот что такое мужество ее героинь. И – в согласии с уже сказанным – самой актрисы.

Эти мужество и независимость, принципиальная свобода от обстоятельств, как будто парение над обстоятельствами, были и в Гелене из «Варшавской мелодии», в древних царицах или принцессах, в Настасье Филипповне, в Патрик Кемпбелл...

Принципиальная неуправляемость.

За одно это стоило полюбить.

Независимая, - 2005. - 17 марта с. 7